

ГОСУДАРСТВЕННАЯ «ГАЗЕТОБОЯЗНЬ» В РОССИИ И ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В.Ф. Блохин

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. Россия.
Брянск, 241036, Бежицкая, 14.

.....
Статья посвящена одной из мер административного воздействия на издателей периодических изданий – запрету розничной продажи газет и журналов в имперский период во Франции и в России. В России данный комплекс мер был разработан под влиянием французского опыта – как в области прямой цензуры, так и косвенной. Статья раскрывает особенности развития цензуры в оригинальном варианте во Франции и её вариации и трансформации в России. С помощью методов качественного анализа автор пытается ввести в оборот новые архивные данные и скорректировать сложившиеся подходы к проблеме в современной историографии.

Автор приводит анализ существующей литературы по проблематике цензуры. Затем рассматриваются некоторые компаративные параллели в опыте цензурирования. Используя официальные документы, сведения о ходе обсуждения предполагаемых мер воздействия и причин их введения, автор статьи показывает особенности подходов Министерства внутренних дел Российской империи и входившего в него цензурного ведомства к освещению ключевых проблем общественного развития, к усилению эффективности государственной цензурной политики. В статье на основе архивных источников даны примеры использования Главным управлением по делам печати запрета розничной продажи.

Статья представляет собой определённый сдвиг в изучении непрямой цензуры в России и Франции, а также общих подходов к цензурной политике. Кроме того статья позволяет пересмотреть диффузионистскую парадигму в изучении политических практик европейских империй и их реакций на появление современных медиа.

.....

Ключевые слова: цензура, цензурное законодательство, административные взыскания, цензурные учреждения, Комитет министров, Министерство внутренних дел, история государственных учреждений, периодическая печать, публицистика, розничная продажа газет и журналов.

«Временные правила о печати», принятые в России 6 апреля 1865 г., определили политику российского правительства в отношении средств информации на последующие три с половиной десятилетия, хотя на родине аналогичного закона, во Франции, утверждённые в 1852 г. цензурные положения имели почти втрое меньший срок действия. Более того, печатные издания во Франции даже в условиях сурового законодательства нередко находили различные способы обойти цензуру или выразить недовольство ею [20, с. 790-795]. Однако систему административных взысканий, введённую при Наполеоне III в виде декретов от 17 («Органический декрет») и 23 февраля 1852 г., с российским законодательством роднило главное: при формальной свободе слова из опасений перед административными наказаниями периодические издания становились цензорами сами себе. Определив ответственность прессы, закон сохранял за Министерством внутренних дел административные полномочия по своему усмотрению выбирать форму воздействия на лиц, чьи публикации оно нашло заслуживающими наказания. Более того, от цензоров не требовалось обосновывать причины правок и запретов, что делало их, по выражению историка Р. Голдстейна, «едва ли не всемогущими» [19, с. 55]. Это оставляло большое пространство для злоупотреблений бюрократического аппарата с учётом того, насколько сократилось участие государей в выработке, кодификации и разработке правоприменительных механизмов с середины XIX столетия [18, с. 911-912].

С чем была связана такая особенность? В условиях начавшихся реформ правительство признало необходимость некоторых либеральных уступок прессе. Ко всему прочему, опыт предыдущих лет не оставлял сомнений в том, что предварительная цензура явно не справлялась с задачей контроля над печатным словом. Замена устаревшей цензурной практики происходила в период демонтажа старой судебной системы, что и отразилось на реализации нового закона. Принимая в расчёт расстроенное состояние судов, творцы новой цензурной реформы подключили и активно использовали якобы временные административные меры.

Однако начало функционирования новой судебной системы не дало ожидаемых результатов: первые процессы по делам печати вынесли оправдательные приговоры. В результате роль суда в вопросах, связанных с функционированием прессы, была сведена к минимуму: «в его ведении оставлены *de facto* только процессы о диффамации и клеветы против частных и второстепенных должностных лиц» [7, с. 316].

Не делая существенного различия между «опасными», на их взгляд, высказываниями в прессе и основаниями, которыми руководствовался суд для признания этих высказываний «незаконными», цензурные чиновники обрекали подобные процессы на неудачу. Должностные лица в Министерстве внутренних дел, вероят-

но, недостаточно понимали особенности современного для них судебного процесса, требуя уголовного преследования авторов печатных произведений. Однако министр внутренних дел П.А. Валуев сумел использовать оправдательные приговоры по делам, возбуждённым Главным управлением по делам печати против авторов и издателей, как доказательство того, что суды не способны надлежащим образом бороться с подрывной силой печатного слова, оправдывая тем самым обход судов и использование административных полномочий. Таким образом, практически сводились на нет льготы, о которых объявлялось столичной печатью законом 1865 г., и активизировался поиск новых административных мер, способных обуздать непослушную печать. Уже в законе 1865 г. отмечался дуалистический подход, сочетавший стремление облегчить публикацию актуальных материалов и, в то же время, сохранить влияние правительства на политическую направленность публикаций [22, с. 213-215]. При этом в области сфер, допустимых для обсуждения, во второй половине 60-х-начале 70-х гг. XIX в. ограничения были менее заметны, поскольку господствовал относительно либеральный подход к общественной дискуссии, то есть цензурные ограничения усиливались скорее с функциональной точки зрения, а не с содержательной [21, с. 263-264].

Источники и историография

В статье на основе восстановленного процесса обсуждения в Комитете министров, закреплённого в российском законодательстве, воспроизводится история введения нового административного запрета на розничную продажу периодических изданий. Автор привлёк материалы дореволюционной и советской периодики, шесть дел фонда Главного управления по делам печати, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге (ф. 776).

Автор исследования исходил из того, что взаимоотношения власти и периодической печати в России XIX в. отличались наличием противоречивых тенденций, многовариантности, неоднозначности. Для написания статьи были использованы работы дореволюционных, советских и российских авторов, содержащие теоретические подходы к изучению рассматриваемой проблемы. Проблемно-хронологический метод дал возможность более полно рассмотреть многообразные аспекты деятельности российского правительства по созданию модели управления периодической печатью, направленной на решение главной задачи – управляющего воздействия государства на общество.

Исследований, специально посвящённых, казалось бы, столь второстепенной проблеме запрета розничной продажи печатных изданий, насчитывается немного. Среди дореволюционных публикаций можно выделить статью

■ Исследовательские статьи

В.М. Гессена, рассматривавшего законодательное оформление этого административного наказания. Автор, признавая цензурную целесообразность рассматриваемой меры, пришёл к выводу, что «долговременное ее применение цензурной администрацией покоится на явно неправильном толковании действующего законодательства о печати, и что, по самому существу своему, воспрещение розничной продажи является мерой вполне и, безусловно, незаконной» [2].

В контексте анализа цензурного законодательства второй половины XIX в. запрет на розничную продажу периодических изданий рассматривали также в своих работах К.К. Арсеньев [1] и В.А. Розенберг [6], не выделяя эту проблему в качестве отдельного сюжета. Две небольшие статьи, специально посвящённые вопросам розничной торговли периодическими изданиями, были опубликованы историком российской печати Б.И. Есиным в 1967 г. [3, 4]. В них, также как и в материалах на эту тему в диссертации Н.Г. Патрушевой [5], упор сделан на практическую составляющую законодательной меры 1868 г.

Результаты исследования

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности развития законодательства о печати в России после принятия закона 6 апреля 1865 г. и показать новые возможности контроля над средствами информации, полученные правительством в результате принятия законодательного положения 14 июня 1868 г., предоставившего министру внутренних дел право запрещать розничную продажу периодических изданий [10, с. 805]. В качестве подчинённых общей цели задач можно определить выяснение того, как функционировала система запретов розничной торговли периодическими изданиями, какие органы печати подвергались такого рода наказаниям.

По сохранившимся сведениям, официальное разрешение розничной продажи в Петербурге редакции газет получили в 1865 г. [4, с. 85]. В конце 1860-х гг. газеты продавались разносчиками главным образом на Невском проспекте и на перронах вокзалов. Имели право продавать газеты и некоторые табачные и бумажные лавки. За пределами столицы «разрешение на розничную торговлю произведениями печати выдавалось полицмейстерами или уездными исправниками, которые были подотчётны губернатору. Они же осуществляли контроль за разносчиками, следили, чтобы у них не было запрещённых книг, журналов или рукописей» [5, с. 128].

В 1867 г. продажей газет на улицах Петербурга занималось 149 человек. Ежедневно распространялось около 2 700 экземпляров газеты «Голос», приблизительно 1 000 экземпляров «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Петербургского листка». Это были лидеры продаж в столице. Гораздо в меньшем количестве, от 200 до 400 экземпляров, расходились «Биржевые

ведомости», «Петербургская газета», «Русский инвалид», «Весть» [11, с. 132].

«Воспрещение розничной продажи» расширило возможности экономических мер воздействия на редакции периодических изданий. Причём в ряду административных взысканий, налагаемых на периодическую печать, «обнаружившую вредное направление», запрет на распространение изданий помимо осуществляемой подписки, занимал всё более важное место. По мнению публициста, редактора газеты «Русские ведомости» В.А. Розенберга, рассуждавшего об одном из ключевых административных наказаний, определённых законом 1865 г.: «В двух случаях из трёх предостережение не влечёт непосредственно за собою прямого материального ущерба для издателя, хотя и является угрозой даже самому существованию его. Эта особенность рассматриваемой карательной меры давно уже признана её немаловажным недостатком» [6, с. 97]. Данным обстоятельством объясняется поиск Министерством внутренних дел новых средств административного воздействия, позволявших исправить отмеченные недостатки.

Запрет розничной торговли на практике был тем же предостережением, но не требовавшим в большинстве случаев оглашения причин этого наказания. Помимо существенного материального ущерба, эта мера влекла за собой серьёзные потери в производственно-сбытовой деятельности. Лишённое возможности оказаться на лотках разносчиков, на станциях железных дорог и в других публичных местах периодическое издание, особенно новое, незнакомое читателям, имело мало шансов получить необходимое число подписчиков. Кроме потери определённых сумм от продажи, редакции газет и журналов несли убытки из-за сокращения поступлений от рекламы и объявлений. Устойчивая тенденция увеличения тиражей периодических изданий делала эту административную меру всё более для них чувствительной и одновременно всё более привлекательной для цензурного ведомства.

Предполагаемый эффект принятия этой меры был настолько очевиден и привлекателен с точки зрения ограничения влияния «неблагонамеренного» издания на общественное мнение, что Министерство внутренних дел не стало даже особо утруждать себя убедительным обоснованием законности цензурного новшества. Министр внутренних дел генерал-адъютант А.Е. Тимашев 3 мая 1868 г. направил в Комитет министров специальную записку, в которой предлагал по возможности ограничить «розничную или уличную» продажу газет и журналов, не соответствующих по своему направлению «видам правительства» [2]. По утверждению министра внутренних дел, одним из последствий нового цензурного закона 1865 г. стало широкое развитие розничной продажи, при помощи которой «стали проникать вредные внушения в те классы народа, среди которых они особенно опасны». Он был убеждён, что «в руках власти

было очень мало средств для сдерживания печати, ибо устав 1865 г. давал только одно средство – административные предостережения», поэтому «весьма действительным (так в тексте – В.Б.) средством было бы предоставление Главному управлению по делам печати права разрешать и запрещать розничную продажу газет» [9, с. 203].

Более того, в специальном по этому поводу выступлении в Комитете министров шеф жандармов и товарищ (заместитель) министра внутренних дел заявили, что розничная продажа, «с каждым днём увеличиваясь, часто бывает поводом к беспорядкам» [9, с. 204]. Однако председателя и членов собрания смущало то обстоятельство, что дополнения или изменения к закону 1865 г. должны приниматься в законодательном порядке Государственным советом. За исключением чрезвычайных обстоятельств, чего в данном случае со всей очевидностью не было. Именно для придания особого значения предполагаемым изменениям представителям III Отделения и Министерства внутренних дел пришлось говорить о якобы связанных с розничной продажей беспорядках.

Министр внутренних дел А.Е. Тимашев был согласен с тем, что дополнение к закону 1865 г. подлежит рассмотрению в Государственном совете, но предлагал сделать исключение из правил на основании того, что его проект будет принят лишь в виде временной меры. В конечном итоге большинство членов Комитета министров согласилось с его предложением, «тем более, что такой порядок принят был как во Франции, так и в Пруссии» [9, с. 204]. Вероятно, никто из них не предполагал, что эта «временная мера» будет действовать в дальнейшем около тридцати пяти лет.

Принятый 14 июня 1868 г. Комитетом министров документ гласил: «...впредь до разрешения в законодательном порядке вопроса об ограничении розничной продажи <...> разного рода дозволенных книг и повременных изданий отдельными нумерами, предоставить министру внутренних дел указывать местным полицейским начальникам, при выдаче оными дозволений на производство означенного промысла, те периодические издания и отдельные брошюры, которые не должны быть допускаемы в розничной продаже» [10, с. 805]. Для достижения этой цели министр предлагал возложить на Главное управление по делам печати обязанность определять, с утверждения министра внутренних дел, и ставить в известность местные полиции, для надлежащих с их стороны распоряжений, какие из повременных изданий, выходящие без предварительной цензуры, допускаемы к розничной продаже на улицах, площадях, на станциях железных дорог и в других публичных местах и торговых заведениях, т.е. в трактирах, ресторанах, театрах и других подобных местах, кроме лишь книжных лавок и кабинетов для чтения, которые никак не могли быть отнесены к категории «публичных мест и торговых заве-

дений» [2]. Положение не распространялось на редакции и конторы периодических изданий.

Таким образом, право запрещать розничную продажу средств печати было дано министру внутренних дел с целью сохранения общественного порядка на улицах городов. Ничего подобного в практике цензурных запретов в России не было: кому придёт в голову мысль, будто розничная продажа газеты, разрешённой самим Министерством внутренних дел, может привести к уличным беспорядкам. В.А. Розенберг отмечал, что спустя 20 лет после принятия положения Комитета министров было выдано не менее 218 запретов на розничную продажу изданий, но, «кажется, никто ещё не слышал об уличных беспорядках по поводу продажи русских газет в розницу» [6, с. 97]. Близкое по смыслу мнение высказал известный юрист и публицист К.К. Арсеньев: «Кто помнит это время, тот знает, что никаких беспорядков розничная продажа периодических изданий не вызывала. Опыт последующего времени показал, что право запрещать розничную продажу нужно было цензурному ведомству не как способ охранения уличной тишины и спокойствия, а просто как новое средство воздействия на печать путём административной кары, <...> сначала случаев запрещения розничной продажи было немного; в административный обиход оно вошло не раньше 1870 г...» [1, с. 28].

С самого начала вступления в силу Высочайше утверждённое положение от 14 июня 1868 г. получило широкое толкование, не соответствовавшее буквальному смыслу, на котором оно было основано. Более или менее постоянный характер должен был иметь и список изданий, которые нельзя было реализовывать через розничную торговлю.

Анализируя статьи устава о цензуре, юрист и либеральный публицист В.М. Гессен отмечал, что документ Комитета министров точно воспроизводил статью 178 Устава о цензуре и печати: «Если правительство признаёт за нужное запретить напечатанную с одобрения цензуры книгу, то книгопродавцы обязываются чрез полицию подпискою, не иметь и не продавать оной, подвергаясь за нарушение сего взысканию по законам. Напечатавший же одобренную и потом запрещённую книгу, получает от правительства удовлетворение за понесенный чрез то убыток» [17, с. 35]. Статья 178 Устава о цензуре и печати была тесно связана с предыдущей, 177 статьей, которая гласила: «Торгующие книгами Российскими и в России издающимися, также мелкие продавцы и комиссионеры книжной продажи при казённых местах, обязаны представлять в Комитеты Внутренней Цензуры каталоги имеющихся у них книг. Каждый продающий заведомо напечатанные без дозволения цензуры книги, предаётся суду по законам» [17, с. 35].

Выдача местным полицейским начальством специальных разрешений на занятие особым промыслом в виде розничной торговли печатной

■ Исследовательские статьи

продукцией в общественных местах, не касалась ни книжных лавок (магазинов, киосков), ни редакций и контор периодических изданий. Однако принятое Комитетом министров положение 1868 г. предоставляло Министерству внутренних дел право на запрет розничной продажи номеров периодических изданий вне зависимости от места их продажи (т.е. и в редакциях, и в книжных лавках, и в кабинетах для чтения, и тому подобных местах), что нарушало смысл статей действовавшего цензурного Устава.

В отчёте Главного управления по делам печати за 1869 г. значилось 175 разносчиков газет в Петербурге [16, л. 21-22]. Однако официальные данные не полностью отражали ситуацию в розничной торговле. Так, по сведениям Н.Г. Патрушевой, «московский старший инспектор отмечал в отчёте за 1871 г., что розничной торговлей занималось много лиц, не получивших разрешения: они легко скрывались от инспектора, убегая в проходные дворы» [5, с. 214]. Наблюдение за розничной торговлей регулярно сталкивалось с определёнными сложностями. Например, уличённые в незаконном распространении запрещённых для продажи в розницу газет разносчики, при привлечении их к ответственности заявляли, что не торговали ими, а носили подписчикам, что служило основанием для освобождения их от административного или уголовного наказания.

Судя по сообщениям инспекторов, в 1870-е гг., несмотря на различные меры административного порядка, трудности наблюдения за розничной торговлей сохранялись. Разносчики были обязаны иметь специальную форменную одежду и бляху с номером, но продажей в разнос газетами зачастую занимались и случайные люди.

К 1880-м гг. наблюдался неуклонный рост уличных продаж ежедневных изданий. Значительно выросло число периодических изданий, а главное – количество людей, для которых чтение газет и журналов стало насущной потребностью. Ещё одной характерной чертой того времени стало появление дешёвой прессы, рассчитанной на массового потребителя. Предприимчивые издатели могли уже получать значительные суммы от продажи журналов с рублёвой и газет с четырёхрублёвой годовой подпиской. Однако низкая продажная цена предусматривала издание и распространение значительных по численности тиражей. В этих условиях розничная продажа играла всё более важную роль.

В 1876 г. ежедневно на улицах Петербурга в розницу продавалось уже 9227 экземпляров [13, л. 33, 33 об.]. Особенно возросла продажа газет в период русско-турецкой войны. В 1877 г. ежедневное розничное распространение газет в Петербурге на улицах разносчиками увеличилось на три с половиной тысячи экземпляров по сравнению с предыдущим годом и, по подсчётам инспекторов, составила 12 716 экземпляров («Голос» – 3 870, «Новое время» – 3 823, «Русский мир» – 770, «Телеграфические бюллетени» – 560,

«Санкт-Петербургские ведомости» – 390, «Новости» – 225 и т. д.) [14, л. 42].

В 1880 г. общее число газет, ежедневно продававшихся в Петербурге в розницу, достигло 23980 экземпляров («Голос» – 4500, «Новое время» – 4000, «Петербургский листок» – 2200, «St. Petersburger Zeitung» – 1115, «Минута» – 600, «Новости» – 370 и т. д.) [15, л. 45].

Впервые распоряжение о запрете розничной продажи последовало 28 сентября 1870 г. Наказание пало на газету «Биржевые ведомости» [6, с. 130-131]. Рост розничных продаж неминуемо повлёк за собой увеличение случаев их запрета. С 1872 по 1879 г. их было уже 60. В 1879 г. торговля в общественных местах была запрещена редакциям 6 газет. При этом для «Голоса», одного из самых на тот момент влиятельных изданий, запрет действовал более года [7, с. 316].

Примечательно, что, за малым исключением, распоряжения министра внутренних дел не содержали ссылок на причины вынесенного решения о наказании. Первый эпизод противоположного свойства имел место в 1874 г., когда «Петербургская Газета» была лишена права розничной продажи «за сообщение слуха, лишённого основания». В 1877 г. газета «Голос» подверглась наказанию за статью «Земская школа – система недоверия», а «Русский Мир» – «за сообщение совершенно ложного слуха о высадке турок в Евпатории». В 1878 г. ещё два издания – газеты «Новое Время» и «Северный Вестник» – получили запрет на розничную торговлю «за распространение ложных известий». В ряде случаев розничная продажа запрещалась одновременно с выданным изданию предостережением, т.е. служила дополнительным взысканием за «вредное направление».

Министерство внутренних дел, избавившись от обязательности судебных разбирательств при вынесении наказаний периодической печати, освободила себя от необходимости объяснения своих решений, а прессу от возможности защиты собственных интересов. Точнее, такая возможность была, но реализовывалась она не в судебных заседаниях, а в кабинетах администрации и зависела от благосклонности тех, кто выслушивал просителей.

Примечателен эпизод, воспроизведённый в воспоминаниях издателя газеты П.А. Гайдебурова «Неделя». Он рассказал о встрече с М.Т. Лорис-Меликовым, когда тот был министром внутренних дел. Глава министерства высказал своё неудовольствие по поводу одной из статей, напечатанной в газете, назвав её «крайне неуместной», и высказал суждение, что она, очевидно, рассчитана «на пяточки», то есть на увеличение розничной продажи [8, с. 21]. Полусерьёзный, полуплутистый тон, который сопровождал эти слова, запомнился надолго П.А. Гайдебурову, поскольку в тот момент он опасался за дальнейшую судьбу своей газеты, испытывавшей финансовые трудности. Разумеется, запрет на розничную продажу был мерой

более лёгкой, чем предостережения, если за ними следовала временная приостановка издания. Однако два первых предостережения сами по себе ещё не влекли последствий. Редактор и издатель могли определить для себя, о чём следует говорить с особой осторожностью. Министерство внутренних дел, периодически нуждавшееся в немедленном усмирении тех или иных изданий, не намерено было соблюдать необходимые формальности с предостережениями. В качестве примера рассмотрим один из эпизодов.

В октябре 1879 г. была запрещена розничная продажа номеров газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В отчёте по этому вопросу министра внутренних дел, предоставленному Александру II, отмечалось, что в передовой статье № 284 от 16 октября 1879 г. по поводу заграничных известий о заключённом оборонительном союзе между этими государствами газета высказывалась в резком и враждебном тоне, несовместимом с дружественным отношением России с Германией и Австрией. Ещё в августе того же года в официальном «Правительственном вестнике» было заявлено, что подобные статьи не одобряются правительством. Однако редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» не счёл для себя необходимым придерживаться этой правительственной рекомендации. Более того, министр внутренних дел отмечал, что публикация не была досадной для газеты случайностью, поскольку «о неудобности таковых статей» [12, л. 33–33 об.] он лично предупреждал редактора всего неделю назад. В декабре 1877 г., по случаю взятия Плевны, с периодических изданий были сложены все предостережения, поскольку «Санкт-Петербургские ведомости» ещё

не успели в 1879 г. получить новых официальных предостережений, а наказание требовалось немедленно – пришлось в очередной раз прибегнуть к запрету розничной торговли изданием.

Запрет розничной продажи практиковался не только в отношении независимых органов печати. Страдали от этой меры газеты самого разного политического направления. Более того, то или иное издание, исчезнув на время из рук разносчиков, появлялось спустя некоторое время на прилавках, не меняя ни своего содержания, ни направления.

Частные периодические издания хорошо распространялись лишь тогда, когда способны были угадать общественные настроения и подстроиться к вкусам своих читателей. Официально объявленные предостережения и запрет на розничную торговлю зачастую лишь подстёгивали внимание публики к наказуемым газетам и журналам. Однако они были необходимы в качестве одного из эффективных способов воздействия на прессу, которая в то время выступала в качестве практически единственного механизма отражения идей и настроений, господствовавших в российском обществе, средством их публичной проверки.

В сложившейся ситуации действия правительства по административному запрету изданий периодической печати, не просто передававшей картину происходившего, но и пытавшейся показать своё видение принимаемых властных решений, а тем самым формировавшей мнение общества на внутренние и внешние события, наглядно показывают способы воздействия на прессу с целью оправдания проводимой ею политики.

Список литературы

1. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1903. 264 с.
2. Гессен В.М. О восприятии розничной продажи // Сын Отечества. 1904. № 9. 26 ноября.
3. Есин Б.И. Запрещение розничной продажи газет как средство ограничения свободы печати: на материалах русских газет второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». 1967. № 6. С. 70–71.
4. Есин Б.И. Материалы к истории газетного дела в России // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». 1967. № 4. С. 84–86.
5. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. Т. 1. 404 с.
6. Розенберг Вл. Пресса, цензура и общество // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 88–117.
7. Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Издание А. С. Суворина. 388 с.
8. Гайдебуров П. Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) // Книжки «Недели». 1893. № 3. С. 5–30.
9. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902) / Сост. С.М. Середонин. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 3. Ч. 2. 315 с.
10. Относительно розничной продажи периодических изданий на улицах, площадях и в других публичных местах и торговых заведениях // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 43 (1868). Часть 1. № 45973. С. 805.

■ Исследовательские статьи

---

11. Отчёты инспекторов типографий и т. п. заведений и книжной торговли в С.-Петербурге за 1867 год // РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 3.
12. РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 15.
13. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 11.
14. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 12.
15. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 14.
16. РГИА. Ф. 776. Оп. 29. Ед. хр. 4.
17. Свод уставов о цензуре // Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Том четырнадцатый. СПб., 1857. С. 1–64.
18. Borisova T. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // Law and History Review. 2012. Vol. 30. No. 3. Pp. 901–925.
19. Cragin T.J. The Failings of Popular News Censorship in Nineteenth-Century France // Book History. 2001. Vol. 4. Pp. 49–80.
20. Goldstein R.J. Fighting French Censorship, 1815–1881 // The French Review. 1998. Vol. 71. No. 5. Pp. 785–796.
21. Klier J.D. 1855–1894 Censorship of the Press in Russian and the Jewish Question // Jewish Social Studies. 1986. Vol. 48. No. 3/4. Pp. 257–268.
22. Ruud C.A. A.V. Golovnin and Liberal Russian Censorship, January–June, 1862 // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. No. 119. Pp. 198–219.

Об авторе

Валерий Фёдорович Блохин – д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: blohin.val@yandex.ru.

**GOVERNMENT'S FEAR OF NEWSPAPERS IN RUSSIA AND FRANCE
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY**

V.F. Blokhin

Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky. Russia, Bryansk, 241036, Bezhitskaya 14.

Abstract: *The article is devoted to one of the measures of administrative influence on the publishers of periodicals in the form of a ban on the retail sale of newspapers and magazines in the imperial Russia and France. The author argues that this policy was introduced in Russia due to adoption of foreign experience of direct and indirect censorship, especially the French experience. So, the article seeks to access the difference between the original approach of the French empire and the Russian version of the policy. Also the article bridges the gap between the current Russian historiography and the existing archive materials with help of discourse analysis and comparative method.*

First, the author reviews the literature on Russian and French censorship in the second half of XIX century. This allows us to describe the original policy motives of leadership in France in area of media coverage and censorship. Second, the author presents some comparative parallels in the particular area of study of censorship and its institutional basis. Using official documents, data on discussions of the alleged measures and the reasons for their introduction, author shows features of approaches of the Russian Ministry of internal Affairs and a member of his censorship Department to highlight the key issues of social development, to enhance the effectiveness of state censorship policy.

The article gives the significant boost towards new approaches in research of indirect censorship in Russia and France as well as the role models for such a policy. Also the article allows us to reconsider the diffusionist paradigm with regard to state's policy experience circulation between European empires and their reaction to the emergence of modern media.

Key words: censorship, censorial legislation, administrative penalty, censorship institutions, the Committee of Ministers, the Ministry of internal Affairs, the history of state institutions, periodical press, journalism, retail sale of newspapers and magazines.

References

1. Arsen'ev K.K. *Zakonodatel'stvo o pečati* [The law on the press]. / St. Petersburg, Tipo-litografija F. Vasberga, I P. Gershunina, 1903. 264 p.
2. Gessen V.M. O vospreshchenii roznichnoi prodazhi [On banning retail sale]. *Syn Otechestva*, 1904, no. 9, 26 noiabria.
3. Esin B.I. Zapreshchenie roznichnoi prodazhi gazet kak sredstvo ogranicheniia svobody pečati: na materialah russkikh gazet vtoroi poloviny XIX v. [The prohibition of retail sale of newspapers as a means of restricting freedom of the press: on materials of the Russian newspapers of the second half of the XIX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii Zhurnalistika*, 1967, no. 6, pp. 70–71.
4. Esin B.I. Materialy k istorii gazetnogo dela v Rossii [Materials for the history of the newspaper business in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii Zhurnalistika*, 1967, no. 4, pp. 84–86. (In Russian).
5. Patrusheva N.G. *Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka]. Doct. Diss. St. Petersburg, 2014. Vol. 1. 404 p.
6. Rozenberg VI. Pressa, tsenzura i obshchestvo [Press censorship and society]. *Russkaia pečat' i tsenzura v proshlom i nastoiashchem. Stat'i VI. Rozenberga i V. Iakushkina*. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1905. Pp. 88–117.
7. Engelgardt N. *Oчерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903)*. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina. 388 p.
8. Gaideburov P. Iz proshlogo «Nedeli». (Neskol'ko lichnyh vospominanii) [From the last "weeks". (A few personal memories)]. *Knizhki «Nedeli»* [Week books], 1893, no. 3, pp. 5–30.
9. *Istoricheskii obzor dejatel'nosti Komiteta ministrov: k stoletiiu Komiteta ministrov (1802–1902)* / Collection of S.M. Seredonin. St. Petersburg, Kanzel'arija Komiteta ministrov, 1902. Vol. 3. Ch. 2. 315 p.
10. Otnositel'no roznichnoi prodazhi periodicheskikh izdaniia na ulitsah, ploshchadiakh i v drugih publicnykh mestah i torgovykh zavedenijah. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* (PSZ), 1868, collection 2, vol. 43, part 1, no. 45973, p. 805.
11. Otchety inspektorov tipografii i t. p. zavedenii i knizhnoi torgovli v St. Peterburge za 1867 god. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 3.
12. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 1, file 15.
13. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 11.
14. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 12.
15. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 14.
16. *Russian State Historical Archive*. Fund 776, inventory 29, file 4.
17. Svod ustavov o tsenzure [Summary of Charter of censorship]. *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire], izdaniia 1857 goda. Vol. 14. St. Petersburg, 1857. Pp. 1–64.
18. Borisova T. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality. *Law and History Review*, 2012, vol. 30, no. 3, pp. 901–925.
19. Cragin T.J. The Failings of Popular News Censorship in Nineteenth-Century France. *Book History*, 2001, vol. 4, pp. 49–80.
20. Goldstein R.J. Fighting French Censorship, 1815–1881. *The French Review*, 1998, vol. 71, no. 5, pp. 785–796.
21. Klier J.D. 1855–1894 Censorship of the Press in Russian and the Jewish Question. *Jewish Social Studies*, 1986, vol. 48, no. 3/4, pp. 257–268.
22. Ruud C.A. A. V. Golovnin and Liberal Russian Censorship, January–June 1862. *The Slavonic and East European Review*, 1972, vol. 50, no. 119, pp. 198–219.

About the author

Valery F. Blokhin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian history, Faculty of History and International Relations of the Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky.
E-mail: blohin.val@yandex.ru.